

понятия «солнце» — «кле, тиле». И именно «солнце» и «земля, мир» («кле» и «дугу») в пространственно-временном единстве своего взаимодействия — светлой фазы суток — задают условия «жизни», собственно «людей». Потому что «ушедшие» или «пребывающие в инобытии» тоже «живут». Даже если глагол «жить» в данном случае и по-своему с понятием «жизнь» не сопрягается напрямую. Это уже как бы не «люди», но и не «не-люди». Это «покойники, предки», именуемые «суу». И время их активности, как бы «жизни» — «ночь», даже по форме артикуляции близкая к этим «неживым» (или «ино-живым») — «су». Локализация же и тех, и других для данного социума одинакова. Многих «ушедших» погребают в «блон» (хижине-святилище «ду») либо поблизости от жилых построек этого же коллектива, где они и провели «светлую» часть «жизни». И для «живых», и для «ушедших» такая привязка выражается глаголом «к'и сиги», т.е. буквально «сидеть», «пребывать» -> «жить». Погребенными же оказываются только их «кости». С учетом же взглядов на «рождение» и «смерть» протяженность «жизни» не прерывается, ибо «смерть» есть переход, инициация, посвящение в «инобытие», в котором «ушедший» «сидит» в ожидании нового посвящения, новой инициации, нового перехода в «живые» — «рождения». Причем «рождение» это произойдет в настоящем, т.е. реальном и для нас — «живом мире» или «мире живых» (ср.: [Дозон 2005б: 131–134]). Причем в природном окружении предполагается та же модель взаимодействий, также ориентированная на непрерывность жизненного процесса (в чем-то созвучная православной молитве «о благообразовании воздушей»).

Мне представляется, что «жизнь» выступает у бамбара как высшая ценность. И пусть приведенные рассуждения невозможны для самого представителя этой культуры, они близки по соответствию тому имплицитно присутствующему мировосприятию, которое пытается познать наука. В любом случае они не противоречат ни принципу всесвязности, ни принципу всеединства мира, обеспечивая целеполагание мировоззренческой системы, т.е. непреложность поддержания «жизни».

«Субъект» действительности

Впрочем, в реализации этих предполагаемых взглядов, образов, ощущений мира и его императивов есть весьма важные особенности, напрямую связанные с понятием «жизнь» и носителями самой «жизни». Одной из этих особенностей в сознании бамбара выступает то,

что «живо», т.е. является носителем «жизни», так или иначе все сущее. Однако особенностью видения, вероятнее всего, будет не привычное для нас «восхождение» от частного к общему и затем конкретизация абстракции в ее конкретном проявлении. Мысля все «живым», бамбара оперируют группами («классами») явлений в их жизненных проявлениях. Существование всей группы, всего «класса» однопорядковых явлений непреложно. В то время как отдельные части этого «класса» могут постигать любые судьбы, любые случайности, любые частности.

Все это в полной мере приложимо к людям и, соответственно, к самовосприятию бамбара. Здесь носителем «жизни» воспринимается группа, коллектив, целостное воспроизводящееся множество, передающее «жизнь» из поколения в поколение в данной непреложной форме этой группы. Это и «популяция», и «социум», и «этнос», и «общество». Этот коллективный носитель жизни и есть естественная среда человеческого существования, главное условие его, при котором сама жизнь людей и возможна. В привычном для нас смысле эта «группа», «коллектив» и выступает для бамбара главным «субъектом» существования. В то же время имплицитно он — только часть единой живой воспроизводящейся системы, каковой выступает всеединая целостность, т.е. «мир», «природа». А это и есть истинный «субъект» [Арсеньев 1999: 67–72].

С нашими представлениями о «гражданском обществе», «общественном договоре», «свободных индивидах» такой «субъект», живущий по закону и в законе (т.е. по вербализованным для данной группы и непреложным для нее и ее членов правилам, а также в условиях всеобщего соблюдения этих правил), и есть «индивид». Но для самих бамбара такое построение лишено смысла. Отдельно взятый человек, безусловно, имеет общественную ценность, в частности, потому что выступает как носитель «жизни», как условие ее продолжения, баланса и целостности мира, но всего лишь в ряду явлений второго порядка. Впрочем, он — неперемное звено в цепи жизни, в преемственности предков и живых. Без этого звена цепь прервется, а это нарушит непреложность устойчивости и воспроизводства (ср.: [Дозон 2005a]).

В связи с проблемами популяционного воспроизводства здесь уже ставился вопрос о неизбежности исследовательского обращения к явлениям, сопряженным с жизнью отдельного человека, члена общества. Вне этой «особи» нет множества людей, нет общества. Но в рамках этих обществ-множеств «особи» в значительной мере «взаимозаменяемы», что уже демонстрировалось в этой работе в связи

с указанием на групповой характер «родственных номенклатур» у бамбара, а значит и отношений социальных, популяционных, хозяйственных между группами в пределах коллективов-обществ. Социоцентричность системы существования, воспроизводства жизни, подкрепленная социоцентричной ценностной системой, не создает сама по себе условий для формирования самооценности «особи». Нам непросто адекватно воспринять это состояние, которое мы склонны интерпретировать как «нивелировку» индивида, личности. В то же время «особь» — качественно иное состояние общества в отдельных его представителях: нельзя прятать то, что еще не сформировалось. И даже борьба за лидерство, ошибочно воспринимаемая как самоутверждение, выступает как процесс упорядочивания множества не на конкурентной основе, а на базе оптимального соответствия набору качеств лидера. Этот «перебор, перекладывание» кандидатов по имплицитной «матрице», по образу «соответствия», убедительности «харизмы» имеет тенденцию сменяться на закрепление иерархии, властных функций, упорядочивания и организации множества людей. Но процесс этот коррелирует с выходом из Архаики, хотя и долго еще «лидеры» выступают всего лишь персонификацией соответствующих групп, узурпировавших властные полномочия (или наделенных ими). Даже в таких обстоятельствах исторические и эпические персонажи — образы собирательные, эпонимы.

Однако собирательный характер этих «героев» может приводить к тому, что в символической системе они способны стать олицетворением всего общества — множества, а соответственно, и знаком этого целого, знаком коллективного носителя «жизни». Впрочем, можно с уверенностью утверждать, что в случае с бамбара таких метаморфоз «особи» не произошло, по крайней мере в столь радикальных формах, как это наблюдается на примере «гвинейской зоны». Безусловна «героизация», выделение социального лидера у бамбара, наделение его харизматическими особенностями, но «сакрализации», превращения в представителя «инореальности», «делегированного» в социум «живых» и служащего не активной и публичной фигурой управления, а лишь безмолвным символом, олицетворяющим «вселенский порядок» — такого у бамбара не отмечается. Напротив, «вождь»/«лидер» неотделим от функций активного воина и охотника. Задаваясь вопросом, почему так произошло, почему существует заметное отличие с этой сфере между гвинейской и суданской зонами, следует предположить, с одной стороны, возможную роль большой транссахарской караванной торговли и соответствующее влияние ислама в зоне са-

ванн. Кроме того, должны были сказываться и большие просторы, и большие возможности расширения ареалов влияния, в том числе и из-за больших возможностей перемещений людей и товаров, а равно — и коммуникаций меж регионами и субрегионами внутри одной и той же большой экологической ниши. С другой стороны, нельзя недооценивать многовековую ориентацию «владык» гвинейской зоны побережья на отношения с европейцами. Возможно, это обстоятельство не только сохраняло, но и консервировало управленческие структуры прибрежных обществ, создавало устойчивые потестарные организмы, благополучие которых «подкармливалось» торговым взаимодействием с европейцами, ведя верхушку к неизбежному «отдалению от дел» — в интересах бесперебойного функционирования самой системы. Таким образом, вместо признаваемой наукой как историческая неизбежность эволюции имела место инволюция социальной системы, потеря ею динамики и накопление приобретаемого от торговли богатства в руках исторически сложившихся малочисленных «элит» с его неизбежной тезаврацией. Причину этого накопления сокровищ следует искать в незаинтересованности сложившейся системы в собственно производстве. Она прекрасно существовала за счет посреднических функций. Тем более что даже вложения сил и средств в войны за захват рабов не требовалось: поток рабов поступал сам по себе, усилиями «владык» из зоны саванн, попадая на рынки и давая прибыли локальной, но первую очередь центральной власти.

В следующей главе будут приведены примеры инвентаря и аксессуаров «вождей саванны», которые в отличие от атрибутов власти и влияния «владык» побережья оказываются крайне скромны и незатейливы, мало отличаясь от сонма подданных, фактически «нивелируя» их в этой среде, почти не «отрешая» от образа обыденности.

Ислам и трансформация картин жизни бамбара: к потере идентичности?

Изучение традиционных культур Западного Судана (и бамбара, в частности), особенно наблюдение лавинообразных преобразований в формах существования и отражения последнего столетия, ставит исследователей перед рядом императивных, но, увы, весьма трудно разрешимых вопросов. Некоторые из них, связанные с европоцентризмом научной традиции изучения и вольной или невольной подменой «кодов реальности» «кодами видения», уже упоминались.